

единой для всех и вся; есть МЕТАФОРА всякий раз разная. Пожалуй, в этом и заключается её главная тайна, ведущая подчас к неуловимости смысла...

Литература

Андреев А.Н. Психика и сознание: два языка культуры. Минск: БГУ, 2000. 233 с.

Андреев А.Н. Философия литературы [Электронный ресурс]: Учебное пособие для студентов и магистрантов вузов – Электрон. текст. дан. (3,5 Мб). Минск: «Электронная книга БГУ», 2003. – Режим доступа: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Philology/andreev3.pdf>

Андреев А.Н. Целостный анализ литературного произведения. Минск: НМЦентр, 1995. 144 с.

Андреев А. Маргинал: романы и повесть. Минск: Макбел, 2006. 320 с.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5 – 32.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кураш С.Б. Нетерминологические употребления слова *метафора* в современном русском языке (по данным Интернет-источников) // Русский язык: система и функционирование: сб. матер. IV междунар. науч. конф. В. 2 ч. Ч.1. Минск: РИВШ, 2009. С. 184-187.

Кураш С.Б. Функционирование концепта метафора в различных дискурсивных практиках (по данным Национального корпуса русского языка) // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак: СГПА им. З. Биишевой, 2011. С. 174-180.

Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 44 - 67.

О.Ю. Лысова (Россия, Тольятти)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ «ЗОЛОТО», «ЗОЛОТОЙ»

Внутренняя форма русских фразеологизмов, как правило, погружена в культурное пространство языка и имеет культурную коннотацию.

«Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образного мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. ... Способом указания на культурную коннотацию фразеологизма является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового сообщества» [Калинина 2007: 101].

Выполняя лингвокультурологический анализ, следует выяснить, какие культурные сущности воплощаются в языке и какими языковыми средствами и способами они закрепляются. При этом фразеологизмы (как единицы языка) должны интерпретироваться в контексте культуры, а не наоборот.

Известно, что между культурой и языком нет прямого соотношения. Но между ними можно поставить пресуппозицию (ранее приобретённое знание) как ключ к научной интерпретации. Именно знание пресуппозиции открывает путь к культурному комментарию фразеологизмов.

Алгоритм современного лингвокультурологического анализа языковых единиц разработан авторами «Большого фразеологического словаря русского языка». По своей структуре этот анализ является многоуровневым и включает в себя несколько обязательных этапов (или информационно-смысловых блоков). Применительно к нашему материалу такой анализ может производиться следующим образом. Сначала образ идиомы соотносится с древнейшими пластами культуры, под которыми подразумеваются архетипические противопоставления, мифологические представления об устройстве мира, конкретные тексты мифов, ритуалы (в том числе их рефлексии – обычаи, обряды, обереги) и т.п.

Приведём примеры, иллюстрирующие названный этап. Вначале назовём некоторые архетипические оппозиции и фразеологизмы, восходящие к этим древнейшим формам осознания мира. Так, к архетипу «верх – низ» восходят образы таких фразеологизмов, как *на седьмом небе, звёзд с неба не хватает, идти в гору, сквозь землю провалиться, как небо и земля, между небом и землёй* и др. С архетипом «жизнь – смерть» связаны выражения *в расцвете лет, затрагивать за живое, на ладан дышать, на краю гибели* и др. Древнейшее противопоставление «далёкий – близкий» характерно для оборотов типа *под боком, под*

самым носом, не за горами, далеко пойти, на край света, за тридевять земель и пр. В целом, архетипы – это те образы, мотивы, конструкты, которые возникли в сознании давно, возможно, в раннем палеолите. Проявляются они в языке, как правило, в виде бинарных оппозиций. Во фразеологии архетипические следы в образном основании идиом представляют собой наиболее древние формы коллективно-родового (надличностного) осознания наблюдаемого человеком в его обиходно-бытовой жизни мира-хаоса и моделирования этого мира в порядок, основанный на типизированных противопоставлениях типа «начало – конец», «добро – зло», «правый – левый», «свой – чужой», «война – мир», «детство – старость» и пр.

Другие древнейшие представления – мифологические (мифопоэтические) – характеризуются как формы осознания нашими предками окружающего мира. Так, образ фразеологизма *идти в огонь и воду* «связан с древнейшим мифологическим представлением об огне и воде как о «живых» стихиях, с которыми человек вступает в противоборство. Древнейшая символика огня и воды включала в себя как образ яростного мстительного божества, так и образ очищающего, творящего начала. В мифопоэтическом представлении огонь и вода являются «испытывающими» стихиями, посредством которых человек получает очищение, искупление и духовное возрождение» [Большой фразеологический словарь 2006: 263]. Образ следующего фразеологизма – *висеть/повиснуть на волоске* – восходит к конкретному тексту древнегреческого мифа. Сиракузский царь Дионисий посадил во время пира на своё место завистника Дамокла, над которым на конском волосе висел тяжелый меч, направленный острием вниз, поэтому в любой миг меч мог сорваться на голову сидевшего под ним Дамокла (см. также: *Дамоклов меч*). В образе идиомы представление о волоске играет роль эталона чего-то слишком тонкого и ненадёжного для того, чтобы выдержать тяжесть возможной угрозы, или, в переносном смысле, – понять призрачность благополучия царя, которому постоянно угрожала опасность.

На следующем этапе лингвокультурологического анализа образ фразеологизма в целом или отдельные его компоненты соотносятся с кодами культуры. При этом под кодом культуры понимаются те реалии, «которые человек уже награбил культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления фразеологизма» [Большой фразеологический словарь 2006: 13]. На сегодняшний день общий список наименований кодов культуры является открытым. По нашим подсчётам, сделанным на основе изучения самых разнообразных лексикографических источников, он включает **37** единиц, и эта цифра – не окончательная. Среди известных и уже описанных в научной литературе кодов можно назвать следующие: соматический, пространственный, антропный, природный, религиозный, духовный, временной, числовой, зооморфный, растительный, речевой и пр.

Так, соматический (телесный) код представляет собой совокупность имён или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них действия и виды деятельности, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к их (частям тела) природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры, или её символярия. Например, с соматическим кодом культуры соотносятся образы следующих фразеологизмов: *ломать голову, брать за горло, повесить нос, обрывать плоть и кровь, держать рот на замке, точить зуб, до мозга костей, из первых рук, как зеницу ока, на лбу написано* и др.

На последующем этапе лингвокультурологического анализа образ фразеологизма в целом или отдельных его компонентов соотносится с фольклорно-литературными источниками. И мы указываем, например, что источником устойчивых выражений *вертеться как белка в колесе, дьянова уха* и др. являются басни И.А. Крылова, а фразеологизмы *по щучьему веленью, за тридевять земель, молочные реки с кисельными берегами, на все четыре стороны* и пр. восходят к сказочным фольклорным текстам.

Очень важен и такой этап указанного анализа, как соотнесённость образа фразеологизма с видами тропов, лежащих в основе формирования устойчивого выражения, а также взаимодействие тропов с символами и квазисимволами. Например, метафора формирует образы следующих выражений: *бросать камень в чужой огород* (в значении «ругать, поносить»), *зайти в тупик* («попасть в трудное, безвыходное положение»), *детский лепет* («наивные, поверхностные, несерьёзные суждения, высказывания и т.п.»), *души не чаять* («безгранично любить, обожать, доверяя во всём») и пр. Другой троп – гипербола – создает в структуре идиоматического образа преувеличенное представление и тем самым способствует экспрессивности следующих идиом, характеризующих, например, высокий рост человека: *верста коломенская, пожарная каланча, телеграфный столб, останкинская башина, ростом с небоскрёб* и пр.

В качестве других отдельных этапов культурологического комментария можно также рассмотреть:

- наличие этимологической справки (которая может и отсутствовать, если во фразеологизме нет страноведчески маркированных сведений),
- наличие страноведческой справки (также может отсутствовать);
- перечисление образных аналогов (эквивалентов, близких по смыслу устойчивых выражений и под.) в других языках.

Обратимся непосредственно к предмету нашей статьи.

Золото как металл издавна наделялось способностью концентрации энергии, и эта способность увеличивалась в силу его «благородной» природы (оно не подвержено коррозии). В культуре многих народов золото было символом богатства и процветания, в переносном смысле – образом солнца, солнечного света и, опосредованно, божественного разума. Оно связывалось с представлением о достоинстве, величии, власти, высшем проявлении, жизненном начале, любви. Всё, сделанное из золота, наделялось соответствующим особым значением как некий совершенный образец предмета, функционально превосходящий прочие, подобные ему. В Индии, Древней Греции золото соотносилось с бессмертием. Золотой клад символизировал драгоценные плоды духовного совершенствования. В античной культуре возникла мифологема *золотого века* как времени блаженного и богоподобного состояния человечества. Именно с золотом связаны образы *золотого руна* (символа процветания), *золотого яйца* (эмбриона мира), *золотой ветви* (олицетворения солнечного луча).

В христианской культуре, с одной стороны, с золотом соотносятся представления о божественном духе, свете, славе, любви, торжестве веры, превосходстве, красоте, совершенстве, мудрости; с другой стороны, золото является символом греха, стяжательства, привязанности к суетному, материальному.

Объектом лингвокультурологического анализа в нашей статье выступают выявленные в результате работы с 16 фразеологическими словарями 42 устойчивых выражения, содержащих компоненты «золото» и «золотой». Среди них можно назвать следующие:

- ***на вес золота (ценить), купаться в золоте;***
- номинативы-перифразы: ***белое золото*** (хлопок), ***чёрное золото*** (нефть или каменный уголь), ***мягкое золото*** (пушнина) и др.;
- ***золотая жила, золотая лихорадка, золотой телец, поклоняться золотому тельцу, золотой мешок, золотое дно, сулить/обещать золотые горы, золотой дождь; золотое время, золотой век, золотая эпоха, золотая пора, золотые дни; золотой сон, золотая мечта; золотая середина, золотое сечение, золотое правило; золотое руно, золотые руки, золотая голова, золотая душа, золотое сердце, золотые слова, вписать золотыми буквами, золотой фонд, золотой запас; золотая молодёжь*** и др.

Семантика, происхождение и функционирование указанных оборотов различны, разными являются и культурно-символьные смыслы этих выражений.

Так, фразеологизмы ***на вес золота*** (т.е. «чрезвычайно ценный») и ***купаться в золоте*** (т.е. «обладать огромными денежными суммами, быть баснословно богатым») и др. восходят к древнейшим формам осознания мира и непосредственно соотносятся через компонент «золото» с природно-вещным кодом культуры, т.е. с совокупностью существующих в природе веществ, которые несут в дополнение к своим природным качествам функционально значимые для культуры смыслы. Анализируя первый оборот (***на вес золота***), следует указать, что с древнейших времён *золото*, будучи редким, дорогим, ценным и исключительным по своим свойствам металлом, являлось эквивалентом стоимости товара, которая определялась сравнением его веса с весом золотого песка (слитка). Сам фразеологизм содержит метафору, в которой моральная, духовная ценность явления, человеческих способностей, предмета уподобляется материальной ценности данного металла.

Образ другого фразеологизма – ***купаться в золоте*** – отображает древнейшие мифологические представления, в которых *золото*, благодаря таким своим природным свойствам, как долговечность, красота, высокая стоимость, редкость осмысливается как символ богатства и изобилия, которые, в свою очередь, связываются с представлениями о доле, судьбе, удаче. Сравните со сказочными фольклорными текстами, «в которых всё связанное «с тем светом» может иметь золотую окраску (Жар-птица с золотыми перьями сидит в золотой клетке; конь имеет золотую уздечку; сад Елены Прекрасной обнесён золотой оградой, там растут золотые яблоки и находятся золотые дворцы), поскольку «тот свет» связывается в древнейших представлениях с богатством, изобилием, с образом счастливой солнечной страны» [Большой фразеологический словарь 2006: 343].

С природно-вещным кодом напрямую соотносятся образы и таких фразеологизмов, как *золотая жила*, *золотая лихорадка*, *золотой телец*, *золотой (денежный) мешок* и др.

Выражение *золотая жила* (о неиссякаемом источнике дохода, прибыли) пришло из лексикона золотоискателей, в котором оно обозначало россыпь золота, находящуюся, например, на дне высохшего ручья. «Нашедший такую «жилу» считался её хозяином, и старатели признавали его единоличное право на участок и обогащение за его счёт» [Бирих 2007: 225]. Сравните также с выражениями *найти свою жилу* (т.е. «найти свою тему, которой не касались другие») и (*попасть в жилу*) («сделать что-л. очень удачно, попасть в ту самую точку, куда требовалось»).

Фразеологизм *золотая лихорадка* (в значении «ажиотаж, шумиха, связанная с добычей золота») является калькой с англ. gold-fever, распространившегося с XIX в. в связи с открытием на Аляске богатых месторождений золота в целях быстрого обогащения.

Источником книжного оборота *золотой телец* в значении «олицетворение денег, богатства; власть денег, золота» является библейский рассказ о тельце, сделанном из золота, которому евреи, странствуя в пустыне, поклонялись как богу. К этому же выражению восходит и оборот *поклоняться золотому тельцу*, т.е. «стремиться к накоплению золота, богатства».

В целом, с древнейших времён *золото* обладает неоднозначной символикой. При этом под символом мы понимаем знак, имеющий бесконечное множество значений, образ, в который заложен кроме поверхностного, первичного и более глубокий смысл, аналогия. «Знаковые символы различны по ёмкости: одни имеют широкое значение, это так называемые символы символов; другие выполняют функцию метки, конкретного и точного указания» [Шейнина 2007: 5]. Объект нашего исследования – компонент «золото» в составе фразеологизмов – это символ символов, или квазисимвол.

В этом плане интересен лингвокультурологический анализ таких универсальных выражений, как *золотое время*, *золотой век*, *золотая эпоха*, *золотая пора*, *золотые дни*, обозначающих наилучший, беззаботный период жизни, время благоденствия. Метафорически образные основания указанных фразеологизмов имеют глубокие корни.

В частности, выражение *золотой век* предстаёт как мифологема (т.е. устойчиво воспроизводимый фрагмент мифологически окультуренного осознания мира), в основе которой лежит «мотив от противного» – раньше всё было не так, как теперь, а лучше. Миф о золотом, идеальном веке отображает древнейшее представление о лучшем времени (о счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества), существовавшее во многих культурах. Древние люди верили, что жизнь мира с её начала разделяется на три непохожих периода, что жестокому *железному веку* предшествовал суровый *медный век*, а на заре человечества люди наслаждались безмятежным счастьем в дни первого, *золотого века*, в котором не было ни зла, ни страха, ни войн, ни голода, ни преступлений.

Квазисимвол *золото*, обозначая жёлтый металл, ассоциируется в указанных выражениях «с солнечной энергией и с огнём и связывается с солнцем как с источником жизни, тепла и света (ср. космогонические верования славян, в которых солнце обычно описывается как золотое колесо или золотое кольцо). Древние греки видели в золотом цвете знак разума и бессмертия. Золото как символ справедливости находит воплощение в изображении богини правосудия Фемиды с золотыми весами, взвешивающими ценность всех вещей и следящими за балансом внешнего и внутреннего. В русских народных представлениях золото символически связывается с долговечностью, богатством, соотносимыми с представлениями о «верхнем» мире, о сфере божественного, с высшими ценностями...» [Большой фразеологический словарь 2006: 244]. Все эти древнейшие представления проявляются в целостном восприятии образа идиом. В качественной метафоре, лежащей в основе образа *золотой век*, золото предстаёт как нечто самое лучшее и сверхценное в совокупности всех своих признаков и свойств, которые «переносятся» на характеризуемый временной период. Фразеологизмы *золотое время*, *золотой век*, *золотая эпоха*, *золотая пора*, *золотые дни* и под. в целом выступают как эталон, мера, самого лучшего, благодатного, счастливого времени.

См. также близкие по символике выражения *золотой сон*, *золотая мечта* («о счастливой грёзе, иллюзии и т.п.»).

Достаточно глубок культурологический смысл другого заимствованного фразеологизма – *золотое руно* (книжн.), обозначающего «золото, богатство, которым стремятся овладеть». Этот оборот восходит к древнегреческому мифу о сокровище царя Колхиды – золотом руно, которое почиталось как символ плодородия и благосостояния. В цикле мифов об аргонавтах золотое руно, с целью увеличения его благодетельной силы, было повешено на огромном дубе в священной роще и охранялось драконом, но было

похищено Ясоном и увезено в Грецию. Данное выражение позднее приобрело более глубокий смысл и «стало истолковываться как символ высших ценностей. Поскольку овца является олицетворением невинности, а золото трактуется как образ высшей духовности, поход аргонавтов за золотым руном понимается как обретение величия духа посредством очищения души. Орден Золотого руна, учреждённый в 1278 году, является знаком высшего геройства и благородства» [Словарь символов и знаков 2004: 144].

Обратимся к иным культурологическим составляющим компонента «золото».

Всё, сделанное из золота, или подобное золоту, может наделяться соответствующим значением как совершенный образец предмета, функционально превосходящий прочие подобные ему.

Так, во фразеологизмах *золотые руки* (о том, кто умело и искусно всё делает, справляется с любой работой), *золотая голова* (о чьём-л. светлом, ясном уме; о способном, даровитом человеке), *золотое сердце, золотая душа* (о добром, мягком характере; об отзывчивом, добром человеке) компонент «золотой», изначально употреблённый в переносном значении, выражает высшую положительную оценку. Сами обороты всегда говорятся с одобрением, т.е. имеют положительную эмотивность. Покажем, каким образом сформировалось подобное значение эпитета на примере фразеологизма *золотые руки*. Первоначальный смысл данной идиомы достаточно прозрачен – это «руки, которым нет цены, настолько они искусны в каком-либо деле. Затем, путём переноса значения с целого на часть (синекдоха), так стали называть и мастера с умелыми руками. Оборот известен всем славянским языкам, но отсутствует в немецком, французском и английском. Это говорит о национальном своеобразии образа, лежащего в его основе» [Бирх 2007: 608].

См. также выражения: *золотой фонд, золотой запас* («о ком-, чём-либо, представляющем большую ценность»), *вписать золотыми буквами* («высоко отметить чьё-либо достижение; прославить»).

Мы уже указывали выше, что компоненты «золото», «золотой» обладают неоднозначной символикой. Так, в своём негативном аспекте *золото* может выступать в качестве символа упадка, развращения, тленности, что демонстрирует другой книжный фразеологический оборот – *золотая молодёжь* (говорится с неодобрением). Это выражение в значении «молодые люди из богатых, привилегированных семей» представляет собой кальку с французского *jeunesse doree*. Первоначально так называли во Франции богатую контрреволюционную молодёжь, которая группировалась вокруг Фрерона, одного из вождей термидорианской реакции (1794 г. и далее). Потом это выражение было забыто, но благодаря работам французских историков Минье, Тьера и Тибодо после 1824 г. вошло в широкое обращение, впоследствии утратив свой политический смысл. В русской культуре фразеологизм переосмыслен.

При лингвокультурологическом анализе данной идиомы следует указать, что её образ восходит к древнейшей архетипической оппозиции «старый - молодой», в которой реализуется противопоставление зрелости и неопытности. Здесь отображается стереотипное представление о молодом поколении как о людях, ведущих праздный образ жизни, более легкомысленный, по сравнению с поколением старших. В данном сочетании *золото* (как редкий, дорогой и исключительный по своим природным свойствам металл) символически связывается с идеей избранности, элитарности, привилегированности, выделения из общей массы. «Образ фразеологизма соотносится также с духовным кодом культуры, понимаемым как совокупность нравственных установок и представлений, в котором «прожигание» жизни, пренебрежение общепринятыми нормами поведения, осознание собственной безнаказанности в силу связей и поддержки влиятельных, богатых родителей оценивается негативно» [Большой фразеологический словарь 2006: 241].

Фразеологизм содержит антропную (т.е. описывающую человека и его поступки) метафору, которая основана на совмещении символической функции компонента «золотой» и стереотипного представления о молодёжи, бросающей вызов общепринятым нормам поведения, трагически свою жизнь впуская, стремящейся выделиться из общей массы своими вызывающими поступками.

Таким образом, подводя итог всему сказанному выше, отметим, что компонент «золото» в составе русских фразеологических единиц достаточно многозначен в плане своей культурологической семантики и символики. В одних выражениях *золото* осмысливается как символ богатства и изобилия (*купаться в золоте, золотая жила, золотой дождь* и пр.), в других – выступает как эталон самого лучшего, благодатного, счастливого времени (*золотой век, золотое время, золотая пора, золотые дни*), в третьих – оценивается как что-либо чрезвычайно ценное и символически связывается с идеей непрерывности истины (ср. *золотое сечение, золотая середина, золотое правило, золотые слова*) и т.д.

В заключение укажем, что, выполняя последовательно порядок описания культурных смыслов от областей культуры, явившихся источником зарождения фразеологизмов (архетипы, мифы, библейский

дискурс, фольклор, художественная литература, материальная культура, исторический опыт народа, обиходно-эмпирический опыт и пр.), до тропеических механизмов идиомообразования (метафора, синекдоха, гипербола, литота, символы и под.), можно прийти к достаточно полному, научно обоснованному, культурному комментарию фразеологических единиц русского языка. Сам же лингвокультурологический комментарий идиом способствует не только реконструкции различных фрагментов русской фразеологической картины мира, но и более глубокому пониманию душевного склада русского народа, его образа жизни и ментальности в целом, аккумулирует национальное мировидение и миропонимание.

Литература

Бирих А.К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006 784 с.

Калинина А.В. Внутренняя форма идиом русского и французского языков: Опыт сопоставительного анализа: монография. М.: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2007.

Словарь символов и знаков / Авт.- сост. Н.Н. Рогалевич. Минск: Харвест, 2004. 512 с.

Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2007. 591 с.

Г.Н. Манаенко (Россия, Ставрополь)

ЗНАЧЕНИЯ «МИРА ТЕКСТА» КАК ДОСТУП К СМЫСЛАМ «МИРА ДИСКУРСА»

Современные подходы к пониманию коммуникации как смысловому взаимодействию, погруженному в социально-культурные условия, существенно изменяют традиционное отношение к специфике текстов, созданных в рамках различных институциональных дискурсов. Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности. Иницирует же процесс общения не стремление человека передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а стремление сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми.

По мнению М.Л. Макарова, при таком подходе коммуникация происходит вовсе не как трансляция информации и манифестация намерений, но как демонстрация смыслов, кстати, и не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации адресатом: «...следовательно, пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего *Другого*: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Можно добавить, что эта интерпретация смыслов происходит в процессе постоянных «переговоров», гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности» [Макаров 2003: 38 – 39].

Таким образом, в настоящее время акцент ставится на созидающей, творческой роли не только говорящего, но и слушающего: «Значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является ракурс, выбираемый «концептуализатором» (т.е. говорящим – Г.М.) при рассмотрении ситуации и для ее выразительного портретирования [КСКТ 1996: 73]. Также считается, в соответствии с главным положением теории релевантности о предопределенности значения формой высказывания, что «полный потенциал значений языкового выражения реализуется только при его интерпретации слушающим» [КСКТ 1996: 23]. В этой связи полная семантическая характеристика языкового выражения устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности представления и восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания участников коммуникации, относительная выделенность конкретных языковых единиц, выбор точки зрения на описываемую сцену. Созидательная роль говорящего и слушающего как участников коммуникации не укладывается в прокрустово ложе традиционного определения синтактики, семантики и прагматики, поскольку сам «выбор» пропозиционального содержания и «ракурс» представления описываемой ситуации суть не что иное, как отношение пользователя к знаку, с одной стороны, и отношение пользователя знака к миру